
Соколова Пенелопа
Чужое лицо
Узнай, что бывает с теми, кто не умеет отпускать.
18+
18+

Соколова Печатает...
Чужое лицо. Часть первая

https://litres.ru/74707123
SelfPub; 2026

Аннотация

Вера — обычная студентка биологического факультета. Учёба, общежитие, подруга, вечные простуды и мечты о научных экспедициях. Её жизнь не особенно интересна, пока в университете не появляется Денис.

Он не умеет пользоваться стиральной машиной, никогда не пробовал сгущёнку и задаёт слишком много вопросов. А ещё смотрит на Веру так, словно знает её всю жизнь.

Только Денис — вовсе не тот, за кого себя выдаёт.

Его настоящее имя Кассиэль. Он ангел, хранитель аномалий, отправленный в Сибирь расследовать нарушения между мирами. И лицо девушки, которую он случайно встречает, принадлежит женщине, умершей у него на руках сто семь лет назад.

Ему предстоит выяснить, кем она является на самом деле. И решить, что делать, когда человек, которого он обязан защищать, сам оказывается угрозой для мироздания.

Первая часть истории Кассиэля и Веры.

Продолжение следует.

Содержание

Глава 1. Касс 4
Глава 2. Вера 20
Глава 3. Касс 27
Глава 4. Вера 35
Глава 5. Касс 38
Глава 6. Касс 46
Глава 7. Вера 56
Глава 8. Касс 64
Глава 9. Вера 72
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Соколова Печатает... Чужое лицо. Часть первая

Глава 1. Касс

Кассиэль опоздал к первому звону всего на девять минут и остался без печёных плодов адского дерева.

Их привозили с Нижних земель раз в неделю, вымачивали в горьком мёде и держали над синим огнём, пока толстая чёрная кожура не начинала трескаться. Под ней скрывалась горячая сладко-терпкая мякоть, а одного плода хватало, чтобы почти сутки не вспоминать о еде. Касс любил их с детства.

— Мне полагалось два, — сказал он, заглянув в опустевшее блюдо.

Распорядительница трапезной даже не подняла головы.

— Вам полагалось явиться к первому звону.

— Я завершил ночное дежурство за три часа до него.

— Это весьма прискорбно.

— Кассиэль, за вами ждут.

Он обернулся. Несколько служащих Высшего Порядка смотрели на него с тем спокойным раздражением, которое не предвещало поддержки в борьбе за завтрак.

Касс взял кубок с тёмно-красным соком и отошёл.

На Земле утро сложилось бы иначе. Там стоило Кассу

улыбнуться, немного склонить голову и небрежно поправить прядь волос — и ему добавляли еду, уступали место или принимались извиняться, хотя сами ни в чём не были виноваты.

Его это забавляло.

На Небесах же подобные приёмы не работали.

Красивыми, обаятельными и сильными здесь были почти все. Чтобы тобой заинтересовались, ничего из этого было недостаточно.

В трапезной Высшего Порядка сидело не меньше десятка ангелов, выглядевших не хуже Касса, а двое — что он признавал исключительно из уважения к истине — даже лучше.

Один из них как раз доедал последний адский плод.

Касс сел напротив.

— Даже не начинай, — предупредил хранитель архивов.

Сариэль преподавал в Первой академии ещё тогда, когда Касс путал классы сущностей и считал знание мёртвых языков бесполезным. Теперь он заведовал архивом и носил подчёркнуто седые волосы: старшие любили напоминать молодым о возрасте прежде, чем те успевали усомниться в их мудрости.

За высокими окнами просыпалась цитадель. В галереях менялись дозоры, над внутренним двором зажигались назначения и предупреждения, а в Первой академии ученики уже расходились по занятиям — от боевой подготовки до прикладной демонологии.

Со стороны одного из учебных дворов донёсся грохот.

Несколько птиц сорвались с крыши цитадели.

Хранитель посмотрел в окно.

— Защитные контуры.

— Или алхимики.

Прогремело ещё раз, теперь сильнее.

— Алхимики, — согласился Сариэль и вернулся к еде.

Обычное утро на Небесах: караулы, донесения, лечебные покои и ни единого хора, какими человеческие легенды любили сопровождать всё возвышенное.

В детстве Касс представлял службу иначе. Ему казалось, что после Академии начнётся жизнь, достойная старых хроник: неизвестные миры, опасные сущности, великие спасения и он посреди всего этого — спокойный, собранный и непременно в хорошем одеянии.

Опасные сущности действительно появились.

Хорошее одеяние погибло на первом же задании.

Великие спасения чаще всего заканчивались тем, что люди ничего не узнавали, а Касс до глубокой ночи составлял донесение для небесной канцелярии.

Право на одиночную службу хранителя аномалий Касс получил чуть больше двух лет назад — по меркам Высшего Порядка совсем недавно. До этого его выпускали на Землю только в составе группы, под присмотром старшего и наблюдателя, чьей главной обязанностью было напоминать остальным о запретах.

Теперь Касс мог нарушать запреты самостоятельно. В от-

чётах его работа звучала просто: найти источник, закрыть разлом, уничтожить проникшую сущность и убрать следы до того, как люди начнут задавать неудобные вопросы.

После длительных заданий канцелярия закрывала земную личность хранителя: поддельные документы и записи исчезали, а связанные с ней человеческие воспоминания очищались. Касс считал эту процедуру неприятной, но необходимой. Сам он всё равно был уверен, что освоился на Земле превосходно.

Он умел пользоваться телефоном, однажды самостоятельно вызвал такси и уже почти не вздрагивал, когда земные двери открывались перед ним без прикосновения и всякой видимой магии.

Люди очаровали его сразу.

Не отдельные люди — с отдельными как раз следовало соблюдать осторожность, — а человечество в целом.

Смертные постоянно куда-то торопились. Опаздывали, ругались, мирились посреди улицы, ели на ходу, влюблялись за несколько дней и строили дома, прекрасно понимая, что однажды в них будут жить уже не они. Могли отдать половину жалованья за неудобную обувь, несколько часов выбирать цвет занавесей и не спать до рассвета, потому что хотели узнать, чем закончится выдуманная история о чужой жизни.

Касс находил их существование совершенно лишённым порядка.

И потому удивительно притягательным.

Во время первого самостоятельного назначения он почти час простоял возле автомата с напитками. Устройство принимало монеты, гремело внутренностями и выдавало смертному стакан с горячей жидкостью. Никакого преобразующего знака, ни единого энергетического узла. Только провод, кнопки и человеческая уверенность, что всё именно так и должно работать.

Касс приобрёл пять разных напитков, желая сравнить устройство в действии.

После этого двое суток не мог уснуть.

У ангелов всегда имелось потом. Если не сегодня — через год. Если не через год — через десять лет. Можно было отложить разговор, решение, признание, даже обиду. Время никуда не исчезало.

У людей исчезало всё.

Вероятно, поэтому они жили так жадно.

И, вероятно, поэтому ангелы раз за разом забывали, чем заканчивается чрезмерная близость со смертными.

— Ты снова изучаешь земные сводки? — спросил однажды Сариэль.

Касс перевёл взгляд на скреплённые тёмной нитью листы возле своего кубка.

— Это связано с моей службой.

— Несомненно.

Хранитель потянулся за кубком.

— За последние два года ты говоришь о смертных чаще,

чем некоторые хранители.

— Потому что ваши хранители невыносимо скучны. Они наблюдают за человеком сорок лет, а затем записывают: «Существенных событий не произошло».

— Возможно, их действительно не произошло.

— Этот человек успел трижды вступить в брак, открыть пекарню, сжечь её, уехать на другой край страны и заняться разведением коз.

— Для равновесия мироздания всё перечисленное не имеет значения.

— Для самого смертного, полагаю, имеет.

Сариэль взглянул на Касса поверх кубка.

— Ты слишком ими увлекаешься.

— Я проявляю интерес.

— Именно так это обычно называется вначале.

Касс усмехнулся.

В Высшем Порядке любили истории о смертных и пересказывали их как предостережения.

Один ангел отказался возвращаться со службы ради человеческой женщины. Другой страж пытался остановить старение любимой и в итоге состарился прежде неё.

Подробности различались, но итог оставался прежним: кто-нибудь терял положение, бессмертие или разум.

Касс не понимал, как существа, способные удерживать границы между мирами, становились настолько глупы рядом с одним человеком.

Потом вспоминал себя в девяносто.

Это раздражало ещё сильнее.

— Я всё же не нахожу в этом никакого смысла, — произнёс он. — Ангелам известны последствия. Демонам тоже. В Академии существует отдельный свод о недопустимых связях, хотя его никто не читает без прямого приказа. И тем не менее каждый год кто-нибудь решает, что именно его случай окажется исключительным.

— Ты рассуждаешь из научного интереса?

— Из накопленного недоумения.

Касс замолчал. В девяносто лет Кассиэль считал себя взрослым.

У него уже были первые назначения, пусть и под надзором. Собственные средства. Отдельные покои в молодом крыле родовой цитадели и уверенность, что он достаточно знает о смертных, поскольку завершил соответствующий курс в Первой академии с высшим отличием.

Потом появилась Вайлет и за несколько месяцев доказала, что учебные своды ничего не знают ни о людях, ни о нём самом.

Они познакомились весной 1919 года в Лондоне. В тот день Касс завершил одно из последних учебных заданий на Земле и зашёл в небольшую кофейню неподалёку от мастерской, где Вайлет восстанавливала старые гравюры.

Свободным оставался только один стул — напротив неё.

К тому времени Кассиэль успел закрыть разлом в подваль-

ном помещении, испортить новое одеяние и окончательно убедиться, что наставник намеренно выбирает для него самые грязные задания.

Вайлет посмотрела на его рукав, покрытый серой пылью, и сказала:

— Вы выглядите так, словно только что выбрались из преисподней.

— Уверяю вас, там значительно чище.

Она рассмеялась и позволила ему сесть.

Касс почувствовал себя странно довольным.

В пепельнице догорала забытая сигарета, на пальцах он отметил тёмные следы краски.

— Вы художница? — спросил Касс.

Она взглянула на свои руки.

— Реставратор. Возвращаю к жизни то, что люди испортили временем, сыростью и собственной неосторожностью.

— Должно быть, работы у вас достаточно.

— Люди удивительно талантливы, когда нужно что-нибудь испортить. А вы чем занимаетесь, кроме посещения преисподней?

Вопрос оказался сложнее, чем должен был.

Подготовленная канцелярией легенда утверждала, что он происходил из состоятельной семьи и путешествовал по поручениям отца.

Легенда не слишком отличалась от правды. Его семья действительно была состоятельной. Отец действительно любил

давать ему поручения. Только обычно они не требовали земного пальто и человеческих документов.

— Занимаюсь семейными делами, — ответил Касс.

— Какими?

— Различными.

Она ухмыльнулась, но выяснять не стала.

— Кассиэль, — представился он.

Она повторила имя.

— Слишком длинно. Касс — значительно лучше.

Он собирался возразить. Потом решил, что сокращение звучит не так уж плохо.

— А вас как зовут?

— Вайлет.

Старший нашёл его через сорок минут.

К тому времени Касс успел узнать, что мастерская Вайлет находилась неподалёку, что она ненавидела портреты, любила старые гравюры и обожала шумные вечеринки.

Перед уходом Касс судорожно думал, какой повод придумать, чтобы встретиться снова.

— У меня есть повреждённая гравюра, — выпалил он первое, что пришло в голову.

Вайлет взглянула на него с явным сомнением.

— Мужчины обычно придумывают повод увидеться полегче.

— Но, гравюра действительно существует.

— Тогда приносите.

На следующий день Касс вернулся. И притащил неизвестно откуда добытую гравюру.

Она оказалась значительно дороже, чем он думал, и почти не нуждалась в восстановлении.

Вайлет долго рассматривала работу, потом перевела взгляд на Касса.

— Вы принесли мне редчайшую гравюру из-за трещины длиной с ноготь?

— Повреждение могло увеличиться.

— Несомненно.

— Вы сможете её восстановить?

— Смогу.

— В таком случае не вижу причин для насмешек.

Вайлет назвала срок, выписала квитанцию и пообещала прислать записку, когда закончит.

Касс пришёл раньше.

Через день — узнать, не возникло ли сложностей. Затем ещё через день — принёс книгу о старинных техниках восстановления, которую она не просила. После этого появился с другой гравюрой, действительно повреждённой, затем с картой, у которой отсутствовал угол.

На пятый раз Вайлет положила кисть и взглянула на него.

— У вашей семьи есть хотя бы одна целая вещь?

— Целые предметы не дают мне основания приходить сюда.

Она молчала.

Касс ожидал, что его попросят уйти. Вместо этого Вайлет указала кистью на старое кресло возле окна.

— Тогда хотя бы перестаньте стоять в дверях. Вы загораживаете свет.

Так у него появилось место в её мастерской.

Он приходил между заданиями, иногда всего на несколько часов. Садился у окна и наблюдал, как Вайлет отделяет повреждённую бумагу, смешивает растворы, подбирает краску под выцветшие линии. Она работала сосредоточенно и ругалась, когда прядь волос падала на лицо.

Иногда они разговаривали.

Вайлет расспрашивала его о путешествиях. Касс отвечал осторожно, каждый раз вспоминая, что не должен описывать события слишком точно. Она часто обвиняла его во лжи, но никогда не угадывала, в чём именно он лгал.

Иногда она позволяла ему читать вслух свои любимые детективы, пока работала. Постоянно перебивала, спорила с героями и заранее раскрывала преступления, почти всегда ошибаясь.

Иногда не обращала на него внимания весь вечер.

Касс всё равно приходил снова.

Мастерская постепенно стала для него привычнее собственных земных покоев. Он знал, какая ступень скрипит на лестнице, где Вайлет прячет хороший чай и какое окно заедает после дождя.

Вайлет тоже к нему привыкла.

Она уже не спрашивала, зачем он пришёл. Просто отодвигала книги со второго кресла или молча ставила перед ним ещё одну чашку.

Кассу казалось, что всё складывается само собой.

Он ещё не понимал, что Вайлет могла неделями приучать его к своему присутствию, а затем внезапно исчезнуть, чтобы проверить, станет ли он её искать.

Даже в девяносто лет Касс понимал, что подобные проверки не имеют ничего общего с доверием.

Ему следовало развернуться и уйти. Но.

Вайлет умела сделать так, что рядом с ней мир становился ярче. С ней Касс впервые понял, почему смертные не откладывают жизнь на потом. Она могла за один вечер подарить ему ощущение абсолютной близости, а следующим утром отстраниться и спросить, с чего он решил, что между ними что-то изменилось.

Она то позволяла приблизиться, то исчезала. Требовала откровенности, и сама лгала. Прогоняла, чтобы проверить, вернётся ли он. Иногда причиняла боль и ждала, что Касс докажет любовь, оставшись рядом.

Касс оставался.

Не только потому, что любил. Ему нравилось быть необходимым. Нравилось думать, что однажды Вайлет окончательно выберет его, если он окажется достаточно терпеливым, сильным и понимающим.

Сам он тоже не отличался благоразумием.

Требовал ответов, когда она не желала говорить. Ревновал к людям, не имевшим перед ним никаких обязательств. Возвращался после торжественных обещаний больше никогда этого не делать. Пытался исправить то, о чём его никто не просил.

Они изматывали друг друга, мирились, снова ссорились и принимали силу переживаний за доказательство правильности отношений. В девяносто всё, что лишает сна, кажется судьбой.

Потом Вайлет заболела.

Испанка добралась до неё быстро. Касс нашёл лучших доступных врачей, приносил лекарства, менял воду и сидел рядом, пока за стенами кашлял весь дом.

Он не умел лечить людей. Ангельская сила не заменяла человеческую медицину, а закон не позволял удерживать тех, чьё время завершилось.

Вайлет умерла у него на руках.

В последние мгновения он прижал её так крепко, точно мог удержать. По ладоням прошёл короткий выброс силы, но Вайлет не открыла глаз.

Он так любил её.

И не желал переживать подобное снова.

За сто семь лет Касс успел отгоревать, повзрослеть и перестать возводить первую любовь в ранг священного откровения. После Вайлет у него были другие женщины. С некоторыми отношения складывались легко, с некоторыми — не

особенно. Никому он не обещал вечность и со смертными больше не связывался.

Так было разумнее.

Людей можно было любить всех сразу: изучать, защищать, спасать от того, о существовании чего они не подозревали. Человечество в целом не требовало признаний, не устраивало проверок и не умирало у него на руках.

Он давно научился вспоминать Вайлет без прежней боли. Но без грусти — так и не смог.

Массивные двери трапезной открылись.

На пороге стоял старший распорядитель Высшего Порядка. Он оглядел зал, сразу нашёл Касса и направился к нему.

В руках распорядитель держал свод, перевязанный чёрной лентой и скреплённый тремя печатями.

Касс насторожился.

Короткие назначения присылали на одном листе. Чёрная лента означала длительный выход, а три печати — ситуацию, которую кто-то уже безуспешно пытался назвать незначительной.

Старший распорядитель остановился возле стола.

— Кассиэль, собирайся. Ты отправляешься на Землю.

Касс поставил кубок.

На сборы дали немного времени. После проверки, инструктажа и короткой сводки Касс получил паспорт, студенческий билет и временный пропуск на имя Дениса Павлова.

По земной легенде он учился на третьем курсе биологи-

ческого факультета и перевёлся в новый университет из-за переезда. Канцелярия подготовила оценки и список дисциплин, половину названий которых Касс видел впервые.

Ему досталась Сибирь.

Это оказался не посёлок среди лесов, как он сперва решил, а крупный научный город, выросший вокруг университета с закрытыми лабораториями и опасными производствами.

Находился он при этом в заднице мира.

Официально место выбрали ради месторождений и исследований. В действительности под университетом лежал старый разлом. Корпуса, лаборатории и пропускной режим позволяли следить за ним, а взрывы, перебои с электричеством и странные запахи легко списывались на неудачные опыты. Почти пятьдесят лет этого хватало.

Всё изменилось три года назад.

Сначала порталы появлялись раз в несколько месяцев. Потом — каждые несколько недель. Служащие закрывали один, но вскоре неподалёку открывался следующий, точно с той стороны раз за разом искали новое место для прохода.

Теперь Кассу предстояло выяснить причину, закрыть вторичные порталы и вернуть разлом в прежнее состояние.

— Справишься за три месяца, — сказал советник, особенно внимательно разглаживая край свода. — Там тихо.

— Разумеется.

Касс свернул свод.

Когда переход открылся, из него пахнуло морозом и хвоей, кажется, сосной. Среди низкого гула Кассу на мгновение послышалось собственное имя.

Он задержался.

— Что-то не так? — спросил советник.

Касс всмотрелся в дрожащий воздух перехода.

— Нет.

И шагнул вперёд.

Глава 2. Вера

Вера сидела на подоконнике, поджав одну ногу под себя, и смотрела на бесконечную череду заснеженных панелек. Зима была в самом разгаре, сессия уже дышала в затылок.

Третий курс. Старенькая, но чистая студенческая общага за это время стала Вере почти домом. Её соседку звали Аюной, но для Веры она давно была Юной или Юнкой.

Они превратили небольшую комнату в убежище двух ботаников: над письменным столом плакаты по анатомии соседствовали со схемами клеток, горшками цветов и фигурками молекул. Юна спала на верхнем ярусе металлической кровати, Вера — внизу, под старым пледом со звёздами. Рядом с подушкой сидел потрёпанный плюшевый медведь, привезённый из дома. На маленьком холодильнике стоял такой же маленький телевизор, у двери громоздился шкаф, а вдоль окна тянулась гирлянда, которую они не снимали с прошлого Нового года.

Над Вериной кроватью была розетка — старая, расшатанная, с торчащими проводами. Она часто вываливалась из стены, а когда Вера втыкала зарядку, её иногда било током. Юнка говорила, что однажды эта розетка её всё-таки убьёт. Они смеялись, хотя вообще-то было страшновато.

Иногда они ссорились из-за мусора, кружек или чужой расчёски, но в целом жили дружно. Могли полночи обсуж-

дать преподавателей, чужие отношения и очередного придурка из группы. Юна умела слушать и не лезла с советами. Вера рассказывала ей больше, чем остальным, но всё равно далеко не всё.

На выходные Юнка уехала к родителям, и в комнате стало слишком тихо.

Вера от нечего делать водила пальцем по холодному стеклу. Где-то во дворе хлопнула дверь подъезда, и женский голос крикнул:

— Коля, козлина!

Обычный вечер.

Вере было двадцать три. В университет она поступила не сразу: почти два года после школы ушли на обследования, больницы и попытки понять, почему она так быстро устаёт и иногда теряет сознание. Врачи находили отдельные мелочи, но ни одна не объясняла всего. К третьему курсу Вера научилась не говорить о самочувствии без необходимости, а родители — паниковать при каждом её непривычно долгом молчании.

* * *

Учебная неделя началась как обычно. Вера открыла глаза и полежала, глядя в потолок. В висках неприятно тянуло, нос опять заложило, зато в коридоре не было очереди в душ. Определённо хорошее начало дня.

Она наспех расчесала волосы, затянула их в тугой хвост, натянула джинсы и растянутый свитер, который давно про-

сился в стирку, но оставался самым тёплым.

Накинув рюкзак, Вера выскользнула за дверь.

На улице она на секунду зажмурилась от яркого света, свернула во дворы и пошла короткой дорогой через аллею. Ей нравилось, что студенческий городок был огорожен и машин здесь почти не было.

Панельные дома поднимались по обе стороны аллеи серыми стенами с облупившейся краской, но деревья в пушистых снежных шапках смягчали унылую геометрию, делая её почти воздушной и уютной.

Вера влетела в аудиторию запыхавшаяся, с красными щеками. Несколько человек повернулись на звук, но почти сразу снова уткнулись в конспекты и телефоны. Она выдохнула и проскользнула за первую парту у окна.

— Вера.

Она дёрнулась и подняла голову.

— Ответьте на вопрос: чем грамположительные бактерии отличаются от грамотрицательных?

— Грамположительные бактерии имеют толстый слой пептидогликана, который удерживает кристаллический фиолетовый, — начала она неуверенно, но постепенно голос окреп. — У грамотрицательных слой тоньше, зато есть внешняя мембрана. После контрастного окрашивания они становятся розовыми.

— Хорошо. «Хоть кто-то готовится», — сказала преподавательница и пошла дальше между рядами.

Вера снова уткнулась в тетрадь. Почерк выровнялся, мысли тоже.

С микробиологии их отпустили раньше, и до следующей пары оставалось полчаса. Живот громко заурчал.

В столовой почти не было очереди, только у витрины толпились её одногруппники. Вера пристроилась в хвост и принялась разглядывать пирожки.

Она уже почти подошла к кассе, когда за спиной раздался знакомый смешок.

— О, смотри. Помнишь фотографии у Макса в телефоне?

— Такое забудешь.

Вера продолжала смотреть на витрину.

— Эй, Вер, — позвал первый. — Новый лифчик нам не покажешь? Мы бы оценили.

Оба парня заржали.

Есть сразу перехотелось. Вера сжала зубы, повернулась и направилась к двери. Вслед ей никто ничего не сказал.

Пирожок так и остался в столовой.

К следующей паре Вера вернулась голодная и злая. Она только успела раскрыть тетрадь и достать ручку, когда те двое ввалились в аудиторию и уселись позади неё.

— Верка, — негромко позвал один. — Ну не дуйся. Дебильно пошутили. Извини.

— Полтора месяца прошло, а вам всё смешно.

— Да не над тобой мы смеёмся. Все знают, что Макс — мудак, — сказал второй.

Вера обернулась.

— А ты там вообще-то хорошо получилась, — добавил первый.

— Лучше вообще ничего не говори, — посоветовал ему приятель и всё-таки отвесил подзатыльник.

Вера закатила глаза и отвернулась, уткнувшись в тетрадь.

Поодиночке у них иногда появлялся мозг. Рядом друг с другом он бесследно исчезал.

* * *

Юна вернулась через два дня — раскрасневшаяся с мороза, с дорожной сумкой на плече и двумя пакетами родительских припасов. Тёмные, чуть раскосые глаза блестели, смоляно-чёрные волосы растрепались под шапкой.

Перед Верой она положила небольшой свёрток с шайбочками айруула — сушёного творога, который в семье соседки готовили для перекуса.

— Это тебе. Бабушка передала.

— Твоя бабушка знает, кто я?

— Моей бабушке необязательно знать человека, чтобы его накормить.

Разбирая сумки, она покосилась на раскрытый учебник.

— Ты опять сидишь над своими бациллами. Сходила бы на вечеринку, познакомилась с кем-нибудь.

— Мне и с пробирками хорошо, — ответила Вера. — Они хотя бы не предают…

Максим был её первым парнем и, как она тогда думала,

первой любовью. Фотографии в белье он выпросил сам — неделями канючил, как маленький. Потом показал друзьям, а дальше они разошлись по курсу.

После этого Вера не перестала общаться с людьми. Просто больше не давала им ничего, что можно было использовать против неё.

С культурами было проще. Если в чашке Петри вырастало не то, значит, кто-то нарушил протокол. Никаких «я не думал, что так получится».

— Ты бы видела себя со стороны, — продолжила Юна. — Вся скрючилась, лицо серое. Пора уже забыть ту историю.

Вера не спорила. Пора бы.

Только говорить — *не мешки ворочать*, как любила повторять бабушка.

* * *

На следующее утро Вера снова шла к университету, натянув капюшон почти на глаза и спрятав руки в карманы старого пуховика.

В наушниках гремел металл: тяжёлые гитары, рваный ритм и хриплый вокал, больше похожий на рычание. Вера прибавила громкость.

Через несколько минут в левом ухе знакомо стрельнуло. Вера поморщилась и натянула капюшон ещё ниже. Только простуды перед сессией ей не хватало.

За заснеженными панельками показался университет — стекло, бетон и несколько соединённых переходами корпу-

сов. Перед главным входом курили студенты, кто-то бежал через двор с расстёгнутым халатом под курткой, двое иностранцев фотографировались возле университетской эмблемы.

Вера вытащила один наушник.

Ей нравилось это место. Родители с трудом собрали деньги на переезд, общежитие и всё необходимое для учёбы, и Вера до сих пор занималась точно хорошими оценками могла вернуть им каждую потраченную копейку.

Нравились аудитории, библиотека и лаборатории с ламинарными боксами, микроскопами и центрифугами, к которым первокурсников даже близко не подпускали. Нравилось, что здесь она знала, что делать.

Где-то в глубине корпуса глухо ударило.

Стеклянные двери дрогнули, лампы над входом несколько раз мигнули.

— Опять химики, — сказал кто-то рядом.

Охранник за стойкой даже не поднял головы.

Вера тоже не остановилась. Вставила наушник обратно и прошла через турникет.

Глава 3. Касс

Химики были ни при чём.

Кассиэль почувствовал выброс даже из квартиры напротив студенческого городка. Пол коротко дрогнул, на кухне звякнул оставленный в раковине стакан.

Люди во дворе не остановились.

Касс подошёл к окну и взглянул на университет.

В этот сибирский город он прибыл два дня назад. Сначала нужно было обосноваться.

Выделенная ему квартира находилась на пятом этаже дома без лифта. Маленькая, пыльная, с выцветшими обоями и скрипучим полом. Окна выходили во двор, где постоянно кто-нибудь курил, громко разговаривал или включал музыку.

Люди. Повсюду люди. Это Кассу как раз нравилось.

По документам Денису Павлову было двадцать четыре. Отражение в тёмном окне не возражало. Вполне обычный студент. Просто красивее большинства. Такое, насколько Касс успел заметить, земными законами не запрещалось.

Он посмотрел на свою лёгкую чёрную куртку. Тот, кто собирал вещи для земного назначения, явно никогда не бывал в этой части планеты.

Холод Касс ощущал не так, как люди, но приятнее от этого не становилось.

В первую же ночь он поднялся на крышу, чтобы осмотреть город и попытаться определить, откуда расходились следы аномалии. В окнах соседних домов горел свет, над трубами ТЭЦ поднимался белый дым, внизу смеялись студенты.

— Два месяца, — сказал Касс. — Самое большее — три. Закрою порталы, уберу аномалии — и больше никакой зимы.

Ветер ударил в лицо и забрался под воротник бесполезной куртки.

Касс поёжился.

Кто-то высунулся из окна и заорал:

— Халява, приди!

Эхо разнеслось по всему двору.

Значение слов Касс понимал. Зачем Халяву призывали через окно — нет.

За два дня он успел обойти студенческий городок, проверить несколько слабых разломов и окончательно убедиться, что источник находился где-то возле университета. До этого след распадался, путался и исчезал между корпусами. Утренний выброс сделал его значительно отчётливее.

Он успел просмотреть и местные сводки. За последние три года в городе заметно выросло число необъяснимых пожаров, аварий, нападений и пропаж. Люди чаще срывались друг на друга, обычные ссоры заканчивались драками, а иногда и убийствами. Полиция объясняла это алкоголем, долгой зимой и бытовыми конфликтами. Касс видел знакомый ри-

сунок: разлом редко создавал жестокость с нуля, но охотно усиливал страх, раздражение и всё дурное, что человек уже носил в себе.

Касс оделся быстро: почти летняя чёрная куртка, джинсы, ботинки.

До университета можно было дойти минут за двадцать. После первой минуты на улице он решил, что автобус будет разумнее.

На остановке Касс замер перед расписанием. Автобусы ходили раз в полчаса, если верить бумажке под стеклом, но местные жители стояли с таким видом, будто смирились с вечностью.

Он по привычке коснулся спины — там, где должны были быть крылья. На Земле они сворачивались в энергетический след вдоль позвоночника. Физическая форма исчезала, но тело продолжало помнить их вес. Вернуть крылья было возможно, однако для этого требовалось слишком много сил.

Иногда они проявлялись сами — при ранении или сильном выбросе энергии. Люди видели крылатые фигуры, рисовали их и складывали легенды о небесных посланниках. Самого посланника после такого ждал разбор в канцелярии и такое взыскание, что встреча с демоном казалась приятной прогулкой.

Касс убрал руку. В ближайшие три месяца крылья ему всё равно не пригодятся.

За окном тянулись серые панельки, а застрявшие в проб-

ке машины время от времени раздражённо сигналили друг другу.

Столько усилий, чтобы управлять железным убийцей и двигаться не быстрее небесной черепахи.

Касс хмыкнул.

Он вышел на нужной остановке и пошёл пешком, лавируя между сугробами. Город только просыпался: открывались ларьки, дворники сгребали снег с тротуаров, студенты спешили на первую пару.

Никто из них не знал, что под университетом пульсировал разлом.

Касс свернул к корпусу биологических лабораторий и ускорил шаг.

Сигнал становился сильнее.

За стеклянными дверями стоял турникет с прозрачными створками. Рядом дежурил молодой охранник с сонным лицом и листал что-то в телефоне.

Касс достал студенческую карту Дениса Павлова и приложил её к считывателю.

Зелёный огонёк. Щелчок. Кусочек пластика открывает врата.

На Небесах для этого использовали личные печати. Смысл оставался тем же, только выглядело всё внушительнее.

Мимо проходили студенты в белых халатах, хлопали лабораторные двери, из аудиторий доносились голоса препо-

давателей.

Возле лестницы двое студентов горячо спорили о строении какого-то белка.

Согласно личному делу Дениса Павлова, биохимию он сдал на «хорошо». В действительности Касс понимал примерно каждое третье слово и потому решил не вмешиваться.

След аномалии уходил вниз.

На двери в подвальные помещения висела табличка:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЁН

Касс достал временный технический пропуск, выданный канцелярией.

Замок мигнул зелёным. Дверь открылась.

За ней начиналась узкая лестница. Воздух становился холоднее, пахло сыростью и плесенью. Редкие лампы за металлическими решётками освещали трубы под потолком и потемневшие от времени стены.

Касс спустился ниже.

Сигнал теперь шёл из одной точки — под полом, в конце технического коридора.

Там обнаружился люк. Обычная металлическая крышка, присыпанная пылью. Касс присел и провёл над ней ладонью. Металл едва заметно дрожал.

— Вот ты где.

Он потянул за кольцо. Петли взвизгнули, из люка пахнуло стоялой водой.

Вниз уходила металлическая лестница.

Касс достал адамантиевый камень на кожаном шнурке. В его ладони тот засветился тусклым золотистым светом.

На дне оказалось воды по щиколотку. Под потолком тянулись старые трубы, на бетонных стенах темнели влажные разводы. След аномалии уходил дальше, к стыку между двумя плитами.

Тонкая трещина светилась изнутри. Небольшой разлом. Свежий и нестабильный.

Ничего необычного.

Он опустился на корточки, положил свободную ладонь на бетон и заговорил тихо, на языке, которого не существовало на Земле.

Края разлома дрогнули и начали сходиться.

Слишком быстро. Касс нахмурился.

Вскоре свечение погасло. Трещина исчезла, оставив после себя неровный тёмный след.

Адамантиевый камень в его руке продолжал нагреваться.

— Так быть не должно.

Удар пришёл снизу.

Касса отбросило к противоположной стене. Он ударился плечом о бетон, камень дёрнулся на кожаном шнурке и погас.

По полу прошла новая трещина.

Она врезалась в стену, разветвилась и почти мгновенно поднялась почти до потолка. Из неё хлынул мутный белый свет.

Тоннель содрогнулся.

Наверху что-то разбилось, послышались крики, грохот отодвигаемых стульев и быстрые шаги. Кусок бетона отвалился от стены и рухнул в воду.

Касс поднялся, перехватил адамантиевый камень и прижал его к полу между двумя ответвлениями разлома.

— Даже не думай!

Свет рванулся ему навстречу. Камень раскалился, обжигая ладонь, но Касс не отпустил. Он повторил формулу, удерживая края разлома собственной силой.

Давление нарастало, искало слабое место, уходило в стены и фундамент. Под кожей вдоль позвоночника жгло там, где были свёрнуты крылья.

Наверху снова закричали. Касс прибавил силы.

Все лампы в тоннеле разом погасли. Остались только золотистый свет камня и белая полоса разлома. В здании включилась сигнализация. Края разлома сошлись.

Пол дрогнул в последний раз и замер. Белый свет исчез.

Касс убрал руку. Пальцы дрожали, но камень потемнел и больше не нагревался.

Наверху хлопали двери, по коридорам разносился быстрый топот.

Касс поморщился. Перепугать весь корпус не входило в задачу.

— Немного переборщил.

Он убрал камень в карман и направился к лестнице.

На первом этаже ещё не успели восстановить порядок. Студенты толпились возле выходов, преподаватели пытались развести людей подальше от окон. Кто-то плакал, кто-то громко доказывал по телефону, что в университете произошло настоящее землетрясение.

Касс прошёл через холл, оставляя мокрые следы на полу.

Почти у самых дверей он почувствовал что-то ещё.

Не разлом.

На границе восприятия мелькнул слабый отклик, почти затерявшийся среди сотен людей. Странно знакомый — точно кто-то в толпе нёс на себе след его собственной энергии.

Касс остановился и оглянулся.

Студенты двигались к выходу плотным потоком. Чужие лица, куртки, рюкзаки. Отклик уже исчез. После закрытия разломов чувства иногда обманывали. Собственная сила ещё некоторое время оставалась в воздухе и возвращалась искажённым эхом.

Касс подождал.

Ничего.

Он вышел на улицу. Мороз немедленно забрался под мокрые носки.

Глава 4. Вера

Вера стояла у лабораторного стола в белом, чуть поношенном халате. В одной руке держала чашку Петри с тонкими бархатистыми колониями плесени, в другой — стерильную иглу.

Она осторожно поддела край одной колонии, перенесла образец на предметное стекло и потянулась за пипеткой.

В ушах неожиданно заложило, будто лифт слишком быстро пошёл вниз.

Вера нахмурилась.

Сначала из коридора донёсся отдалённый шум. Потом на столе звякнули колбы, по поверхности воды в мензурке разошлись мелкие круги.

Вера опустила иглу.

Длинная лампа над столом качнулась. Сначала едва заметно, затем сильнее.

Пол под ногами дрогнул.

Не так сильно, как, бывало, раньше, когда тряслись стены и с потолка летела штукатурка. Для их края землетрясения не были редкостью, но привыкнуть к ним всё равно не получалось.

Где-то в здании включилась сигнализация.

— Образцы оставили! Все в коридор! — крикнула лаборантка.

Студенты разом сорвались с мест. Кто-то толкнул стул, кто-то едва не снёс стойку с пробирками. Веру схватили под локоть и потянули к двери прежде, чем она успела закрыть чашку Петри.

В коридоре уже толпились преподаватели, лаборанты и студенты из соседних аудиторий. Одни пытались спуститься по лестнице, другие останавливались посреди прохода и звонили кому-то, только мешая остальным.

— Не толкаемся!

— От окон отойдите!

— А халат снимать?!

— Да иди уже!

Вера двигалась вместе со всеми, глядя под ноги, чтобы не споткнуться на лестнице.

Перед ней мелькнули чёрные ботинки и тёмные джинсы, промокшие до середины голени. На светлом полу за ними оставались мокрые следы.

Где в здании можно было так промокнуть?

Вера успела подумать об этом, но кто-то заслонил незнакомца плечом. Толпа сдвинулась, и её понесло дальше — вниз по лестнице, через холл, к стеклянным дверям.

На улице студенты разошлись по площади перед корпусом. Кто-то плакал, кто-то нервно смеялся, несколько человек снимали здание на телефоны. Преподаватели пытались пересчитать группы, перекрикивая сигнализацию.

Она достала телефон и написала смс:

У нас немного тряхнуло. Я уже на улице, всё хорошо.

Не прошло и минуты, как перезвонила мама.

Вера посмотрела на экран.

Вера еле убедила родителей, что цела, здание не развалилось и папе не нужно немедленно искать билет в её город.

Через час она добралась до общежития. Юнка торчала за столом, переписывая конспект по ботанике.

— Хорошо вас там тряхануло? — спросила она, даже не подняв головы.

— Баллов на пять. Криков было на все десять.

— То есть ничего необычного. Ставь чай, а то у меня уже голова пухнет от этой ботаники.

Вера понимающе кивнула, нажала кнопку чайника и переоделась в любимую пижаму с грибочками.

Глава 5. Касс

Он зашёл в квартиру и тут же скинул джинсы. Штанины промокли по щиколотку и задубели от мороза.

Он сам устроил это представление — своей силой и собственной неосторожностью. Закрывая портал, Кассиэль слишком сильно дёрнул энергетический контур, и земля отозвалась дрожью.

Четыре балла. Для людей — испуг, для города — трещины в асфальте, для него — позор и выговор.

Кассиэль посмотрел на мокрые джинсы. Вздохнул.

В углу ванной стоял белый прямоугольный агрегат. Он подошёл, открыл круглую дверцу и заглянул внутрь. Потом взглянул на джинсы. Потом снова внутрь.

— И как, скажите на милость, эта штука работает? — пробормотал он, засовывая джинсы в барабан.

Дверца захлопнулась, но из-под резинки остался торчать край мокрой штанины. Кассиэль засунул его глубже, выпрямился и уставился на панель.

Десяток кнопок, символов и непонятных значков.

Он нахмурился и ткнул пальцем в самую большую кнопку. Машина пискнула, на панели загорелся красный индикатор.

— Да что ж ты…

Кассиэль нажал сразу три кнопки. Машина вздрогнула,

пискнула дважды и вдруг с громким журчанием начала набирать воду.

Он отступил на шаг и посмотрел на неё с подозрением.

— Будем считать, что я победил.

Утром Кассиэль уже ожидал разноса. Он хмуро смотрел на телефон в своей руке. Земной артефакт пискнул, сообщая об очередном уведомлении от местных смотрителей:

Всё чисто, работай дальше. Но ты должен объяснительную.

Кассиэль выдохнул.

На небесах тоже обожали бумажки. Отчёты, протоколы, акты о закрытии аномалий, справки о невмешательстве в дела смертных. Иногда он ловил себя на мысли, что за сотню лет земной службы исписал бы гору пергамента высотой с Эмпайр-стейт-билдинг.

Ангел надел лёгкую куртку, едва просохшие джинсы и отправился к научному блоку.

На ходу он провёл пальцем по экрану, открывая вчерашний отчёт:

Землетрясение магнитудой 4,3. Причина: нестабильность эфирного канала. Устранено. Требуется повторная проверка территории.

Он поморщился.

Каждая аномалия должна быть зачищена до нуля.

Кассиэль свернул к биологическому корпусу, толкнул дверь и шагнул внутрь. В холле было пусто — пары уже на-

чались. Он направился к лестнице, под которой вчера оставил следы своего присутствия. Нужно было проверить, не сохранились ли утечки.

Но на полпути остановился.

Дверь лаборатории была приоткрыта. Оттуда тянуло запахом агара, спирта и реактивов, доносился приглушённый гул голосов.

Кассиэль заглянул внутрь, сам не зная зачем.

Просто любопытство.

Его взгляд скользнул по фигурам в белых халатах, склонённым головам и стерильным столам. И зацепился за неё. Чуть сгорбленная девушка стояла у бокса, в стороне от остальных. Волосы упали ей на лицо.

Кассиэль моргнул, пытаясь понять, что именно привлекло его внимание. Но один из студентов шагнул в сторону и закрыл дверь, почти у его носа.

Ангел тряхнул головой и заставил себя пройти дальше.

Под землёй чисто. Ни утечек, ни разрывов. Аномалия закрыта.

Он выпрямился, стряхнул пыль с ладоней и замер.

Все равно что-то было не так.

Пытаясь понять, что подсказывает ему чутьё, Кассиэль прижал ладонь к груди и нахмурился. Для ангела это было не простое беспокойство. Это было предчувствие.

Он постоял ещё минуту, вслушиваясь в тишину, но ничего не услышал.

Выбрался из люка, закрыл его за собой и поднялся на первый этаж.

В вестибюле его заметила женщина в очках.

— Молодой человек! — прикрикнула она, завидев его издалека.

Подойдя ближе и разглядев Кассиэля, женщина почему-то растерялась.

— Пары начались двадцать минут назад. Вы… с какой кафедры?

Касс уже начал перебирать в памяти свою легенду, когда дверь лаборатории за его спиной открылась. На шум выглянул преподаватель. Касс узнал в нём одного из своих — местного смотрителя из цитадели.

— Что у вас тут происходит? Павлов?

— Да, это я. Э-э… Денис.

— Вам, Денис, что, особое приглашение нужно? Живо в лабораторию. Халаты слева.

Касс не успел опомниться, как уже натягивал чужой халат — жутко короткий для его длинных рук.

В аудитории на него уставились все. Девушки, как обычно, задержали взгляды чуть дольше. Парням он не понравился сразу. Впрочем, вскоре студенты вернулись к своим делам.

Ботаники везде одинаковые, отметил Касс. Их алхимики тоже, казалось, интересовались только травами, лунной пылью и тем, что происходило у них под носом.

— Денис, бери методичку и подходи к свободному микроскопу. Сегодня окрашиваем бактерии, вливайся.

Хранитель коротко кивнул ему и тут же переключился на студента с колбой в руках.

Касс… Денис. Давно он не чувствовал себя настолько растерянно.

Он взял тонкую методичку и нашёл свободный микроскоп в конце аудитории. Неприятное ощущение под рёбрами не проходило. Наоборот, становилось сильнее — словно в помещении скопилось слишком много энергии, но определить её источник он не мог.

Ангел опустился на стул и повернул микроскоп к себе. Попытался прочитать первые строки. Сосредоточиться не получалось.

Раздался резкий звон стекла.

— Твою мать, Саня!

Касс поднял голову.

— Вот откуда у тебя руки растут, а? Хотя нет, не говори. Я и так вижу.

По аудитории прокатились смешки. Парень с красными ушами отправился искать совок и веник.

Среди студентов мелькала девушка, которая, казалось, переживала за разбитый мерный стаканчик сильнее самого Сани.

— Не трогай руками, — сказала она, отталкивая его ладонь. — Еще кровью всё зальёшь.

Она присела возле осколков. Из-за столов Касс видел только макушку чуть растрепанных волос, тонкие пальцы, край белого халата и знакомый изгиб опущенной головы.

Неприятное чувство стало почти паническим.

Девушка выпрямилась, убрала волосы за ухо и повернула голову.

Мир не остановился.

Саня продолжал оправдываться. Кто-то смеялся. Хранитель объяснял порядок работы. Под потолком гудели лампы.

Но все звуки разом отдалились.

Касс смотрел на её лицо.

Не похожее.

Не напоминающее.

Именно её.

Сто семь лет назад он видел, как из этих глаз уходила жизнь. Держал Вайлет на руках, чувствовал её слабеющее дыхание и знал, что не сможет удержать.

Теперь она стояла в трёх шагах от него — живая, молодая и недовольная.

Касс попытался вдохнуть.

Перед глазами потемнело. Он вцепился пальцами в край стола, чтобы не упасть.

Лампы под потолком мигнули, отзываясь на резкий всплеск его силы.

Сто семь лет.

— Вайлет, — выдохнул он.

Касс заставил себя посмотреть на неё снова.

— Небеса.

Те же упрямые брови. Те же глаза. Тонкий нос с горбинкой. То же лицо. Вроде.

Но эта девушка хмурилась, сутулилась и словно старалась занимать как можно меньше места. Если бы не её черты и знакомый энергетический отклик, Касс никогда не принял бы её за Вайлет.

Вайлет не умела быть незаметной. Высокая и тонкая, она двигалась с лёгкой грацией, а когда входила в комнату, мужчины оборачивались. Она смеялась, запрокидывая голову, и никогда не извинялась. Могла плакать, кричать, прогонять его, а через минуту стаскивать с него одежду и сквозь слёзы умолять не уходить.

Таким безумием и была Вайлет.

А эта девушка…

Касс не знал, кто она.

И впервые за сто девяносто семь лет ему стало страшно получить ответ.

Касс не помнил, как досидел до конца пары. Когда студенты высыпали в коридор, он вылетел первым, старательно избегая взгляда «преподавателя».

На полпути к лестнице Касс заметил на себе лабораторный халат.

Выругался, кинулся обратно, сорвал халат и бросил его на ближайший стул.

Снова в коридор.

— Во имя Порядка… Кассиэль Аурелиан Элион Валь-Арден, успокойся! — шипел он на себя, прячась под лестницей, как пёс во время грозы. — Это не Вайлет. Это кто-то другой. Это что-то неправильное.

Где-то в середине груди, болезненно дёрнулось.

— Я сказал: успокойся.

Получалось неубедительно.

Ему просто нужно немного понаблюдать за ней и понять, что всё это значит.

Ноги сами понесли его следом за группой, столпившейся у раздевалки. На улице Касс держался метрах в десяти, прячась то за стволами деревьев, то за кустами, то за редкими фонарями, как последний дурак, словно забыл все уроки маскировки.

Ему отчаянно хотелось посмотреть на неё вблизи, разглядеть каждую черту.

Он проследил за ней до общежития. Оно оказалось недалеко от университета, в том же студенческом городке. Касс остался у дороги и смотрел вслед, пока за девушкой не закрылась тяжёлая железная дверь.

Конечно, в ту ночь он не спал.

Просидел до утра на крыше соседнего общежития, глядя на многоэтажную громаду напротив. Где-то за одним из сотен окон она, наверное, уже спала и видела третий сон.

Глава 6. Касс

Но новые задания навалились лавиной. «Универ» отошёл на второй план. точно сами Небеса решили, что Кассиэль слишком долго прохлаждался, и теперь требовали расплаты.

Вскоре он понял, почему в этом сером неприметном городке наблюдалась такая бешеная аномальная активность.

Город стоял над разломом.

Настоящим, глубоким и старым — таким, каких Кассиэль не встречал уже лет пятьдесят. Трещина в мироздании, из которой сочилась энергия, притягивая тварей, искажая реальность и провоцируя катастрофы.

Землетрясения, которые списывали на тектоническую активность. Пожары неясного происхождения, которые объясняли неисправной проводкой. Убийства, которые закрывали как бытовуху или несчастные случаи.

Город продолжал жить обычной жизнью и одновременно понемногу сходил с ума, не замечая связи между событиями.

А эти студенты…

Кассиэль видел их каждый день, патрулируя территорию. Они ходили парами, смеялись, пили кофе, спорили о чём-то на скамейках.

Беззащитные цыплята, даже не подозревающие, что гуляют по краю пропасти.

Он запечатывал разломы, разгонял тварей, устанавливал

барьеры. Работал до дрожи в руках, до состояния, когда тело превращалось в струну, готовую лопнуть.

И всё равно стоило ему на минуту закрыть глаза, как перед внутренним взором вставала она.

Кассиэль знал, что та девушка живёт в общежитии. Но за четыре дня ни разу не позволил себе подойти ближе.

Боялся. И не знал, что сделает, если снова её увидит.

На четвёртый день земной работы проблем меньше не стало, но Касс со всей ответственностью решил ненадолго послать их к адским псам и отправиться на учёбу.

Он не успокоится, пока не увидит её глаза вблизи, не услышит голос и не поймёт, кто она.

И будь что будет.

Кассиэль вошёл в аудиторию и глубоко вздохнул.

Все взгляды тут же приклеились к нему. Со светлыми волосами, растрёпанными точно, он только что стоял на ветру, острыми скулами и прямым носом Касс выглядел здесь чужим. Слишком ярким для серых стен.

Преподаватель токсикологии — пожилой мужчина в очках — поднял голову от журнала и окинул его взглядом.

— Фамилия?

Кассиэль завис на миг.

— Павлов.

— А-а-а… да, переведённый, — старик кивнул в сторону свободных мест. — Что ж, Денис, проходите. Добро пожаловать в наши трущобы.

Кассиэль позволил себе вежливую, почти смущённую улыбку и прошёл вдоль рядов.

По аудитории снова прокатилось знакомое оживление. Кто-то из девушек хихикнул, кто-то поправил волосы, толкнув соседку локтем. Парни проводили его настороженными взглядами.

Кассиэль сел за последнюю парту у самого окна. Отсюда открывался вид на всю аудиторию.

Он медленно, будто случайно, скользнул взглядом по рядам, выискивая знакомый силуэт.

И не нашёл.

Снова пробежался глазами по головам, лицам и фигурам.

Ничего.

Он что, перепутал группу? День? Аудиторию?

Кассиэль стиснул челюсть, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

Касс нервно барабанил пальцами по парте, когда дверь распахнулась.

В аудиторию влетела девушка.

Запыхавшаяся, раскрасневшаяся, с растрёпанными волосами, собранными в хвост. В одной руке — куртка, сползавшая с локтя, в другой — сумка, норовившая выскользнуть из пальцев. Она отчаянно пыталась удержать и то и другое, одновременно закрывая дверь ногой.

Парень с первой парты обернулся и присвистнул — тихо, но достаточно громко, чтобы она услышала и вспыхнула ещё

сильнее.

— Вера Владимировна, почему вы опоздали? И почему ваши вещи не в гардеробе?

Значит, Вера.

Она всё ещё пыталась выровнять дыхание.

— У меня был выбор: либо прийти вовремя, либо сдать куртку.

Преподаватель вздохнул и указал на пустое место.

— И вы не справились ни с тем, ни с другим. Замечательно. Садитесь.

Вера села впереди, наискосок и чуть правее него. Так, что Кассу открывался идеальный обзор: линия её спины, напряжённые плечи, тонкая шея, волосы с выбившимися прядями.

Когда она поворачивала голову, чтобы переписать что-нибудь со слайда, он видел её профиль — тот самый изгиб носа, ту самую родинку возле уха. Она даже хмурилась, как Вайлет, и грызла карандаш.

Сердце, кажется, вообще остановилось.

Живая.

Настоящая.

В двух шагах от него.

Касс хотел дотронуться. Просто протянуть руку, коснуться её плеча и почувствовать тепло живого тела. Убедиться, что она действительно дышит.

Он поймал себя на том, что буквально пожирает её глазами, и резко дёрнул головой к окну.

За стеклом раскинулось серое небо, чернели голые ветви.

Ничего интересного.

Но Кассиэль смотрел туда с таким напряжением, точно пытался разглядеть в облаках божественное откровение.

Прошло пять секунд.

Взгляд сам собой вернулся к ней.

Кассиэль стиснул зубы и снова уставился в окно.

Он чувствовал на себе чужие взгляды. Девушки с соседних рядов уже откровенно косились на него — кто-то с любопытством, кто-то с лёгкой обидой, словно говоря:

«Эй, мы тут вообще-то тоже существуем».

Окно. Она. Окно. Она.

Вера обернулась вполоборота. Просто поправила лямку, предательски сползшую с плеча под серым свитером.

Кассиэль чуть не подскочил.

— Спокойно, — прошептал он одними губами.

Ангел скорее оторвал бы голову лесному троллю — голыми руками, в полнолуние, — чем согласился провести эти полтора часа ещё раз.

Звонка не было. Пара закончилась, когда профессор лениво махнул рукой:

— Идите. Всё равно скоро перерыв.

Аудитория взорвалась гулом, заскрипели стулья.

Но расслабляться было рано.

К Кассу подошли сразу две девушки: блондинка с нагловатым взглядом и другая, чуть ниже, с ямочками на щеках.

Пара парней тоже повернулась к нему со своих мест.

— Привет, ты Денис, да? — спросила блондинка, глядя на него сверху. — Ты откуда?

— И чего ты забыл в нашей глуши? — добавил один из парней, скрестив руки на груди.

Кассиэль вежливо улыбнулся, автоматически включая своё обаяние. Он что-то отвечал про перевод, интерес к местной программе и о том, что здесь тихо и спокойно, но краем глаза продолжал следить за Верой.

Вера достала из сумки красное яблоко — яркое, глянцевое, аппетитное — и надкусила с хрустом. Только едва заметно повела головой в их сторону.

Она слушала. Просто делала вид, что ей всё равно.

— …и вот, решил попробовать что-то новое, — закончил Касс, стараясь включить своё умение нравиться на полную.

Компания, удовлетворив любопытство, разошлась отдыхать. В аудитории стало тихо.

Касс покосился направо.

Вера продолжала есть яблоко.

Хруст. Сочный, звонкий, от которого у него самого свело челюсть.

Она откусила небольшой кусочек и на мгновение замерла с закрытыми глазами, наслаждаясь вкусом.

Кассиэль почти улыбнулся.

Она ела так сосредоточенно, будто это было самое важное дело в её жизни.

Вера снова поднесла яблоко ко рту, собираясь откусить, — и вдруг замерла.

Их взгляды встретились.

Кассиэль смотрел на неё в упор, не моргая, совершенно забыв, что так нельзя.

Вера поперхнулась.

Кусочек яблока попал не в то горло. Она закашлялась, прикрывая рот ладонью, и резко отвернулась. Её уши вспыхнули.

Вера быстро, почти панически, завернула надкусанное яблоко в салфетку и убрала в сумку, даже не посмотрев на него.

Плечи сжались. Она уставилась в стол, теребя ворот свитера, и, кажется, была готова провалиться сквозь землю.

Кассиэль заставил себя отвернуться.

Хватит. Он и без того напугал её, нужно было хотя бы сделать вид, что его интересует происходящее вокруг.

Вернулся преподаватель. Студенты нехотя расселись по местам, снова зашелестели тетради.

Через несколько минут он снова посмотрел на Веру.

Она сидела, подперев голову рукой. Пальцы растирали висок. Пряди прилипли ко лбу, хотя в аудитории было прохладно. Вера потянула ворот свитера, словно ей не хватало воздуха, глубоко вдохнула и прикрыла глаза.

Кассиэль нахмурился.

Сначала он решил, что она просто устала. Или не выспалась. Судя по тому, как она влетела на пару, утро у неё нача-

лось не лучшим образом.

Но ей становилось хуже.

Она растирала уже оба виска, то и дело сглатывала и морщилась от света. Несколько раз принималась писать, однако почти сразу откладывала ручку. Даже со спины было видно, как тяжело и неровно она дышит.

Кассиэль чувствовал это.

Не её боль — лишь глухой отзвук. Неприятное давление в висках, слабую тошноту, тяжесть, которая не принадлежала его телу. Незнакомая энергия в помещении то сжималась, то расходилась волнами, совпадая с её дыханием.

Он медленно выпрямился. А что, если дело в нём?

Вера снова прижала пальцы к вискам.

За последние дни он почти не спал, несколько раз спускался к разлому и до сих пор не восстановился после закрытия аномалии. А сегодня ещё и увидел её. Удивительно, что энергия до сих пор не хлестала из него во все стороны, выбивая стёкла.

Что, если она чувствовала его так же, как он чувствовал её?

Мысль была безумной, Кассиэль просто сидел, глядя ей в спину.

Потом Вера тихо застонала и опустила лоб на ладонь.

Проверять догадку, дожидаясь, пока она свалится под парту, он не собирался.

Кассиэль захлопнул методичку, поднялся и, не обращая

внимания на взгляд преподавателя, вышел из аудитории.

В коридоре Кассиэль прислонился спиной к стене, закрыл глаза и выдохнул.

Он собрал расползшуюся энергию, сжал её и стянул обратно к себе. Осторожно снял с Веры собственное присутствие — как снимают с плеч что-то тяжёлое.

Вскоре пришло облегчение.

Не его.

Её.

Только тогда Касс позволил себе выдохнуть. Постоял ещё немного, проверяя, не возвращается ли давление, затем вошёл в аудиторию, коротко извинился и сел на место как ни в чём не бывало.

После пары Вера вылетела первой.

Схватила сумку и уже у двери бросила на него короткий, колючий взгляд.

Кассиэль остался сидеть в опустевшей аудитории.

Он не знал, что делать. Впервые за очень долгое время.

Он что, мог убить её, даже не применяя силы? Просто находясь рядом?

Почему она настолько слаба? Почему так похожа на Вайлет? Почему он чувствует в ней её след?

Что это вообще такое?

Действовать нужно было мягко. Осторожно. Не делать резких движений и не подходить ближе, пока он не поймёт, как находиться рядом и не причинять ей вреда.

Как с диким сумеречным дромориком — маленьким лопоухим существом из нижних садов, которое при малейшей опасности сжималось в пушистый комок и телепортировалось в ближайшие кусты.

Кассиэль опустил голову на сложенные руки.

Как подойти к той, что боится даже дышать в твою сторону?

Он вдруг резко поднял голову. Зелень его глаз потемнела, стягиваясь к зрачкам, пока радужки не стали почти чёрными. Внутри что-то дёрнулось — знакомый спазм, который за сотню лет он научился распознавать безошибочно.

Аномалия. Где-то рядом.

Отголосок тянулся с юго-востока, со стороны старого парка за университетским корпусом. Что-то нестабильное. Пока не критичное, но достаточно плотное, чтобы его чутьё сработало.

Кассиэль выдохнул и поднялся.

Мысли о Вере — пока в дальний ящик.

Сначала работа.

Потом — безумные перерождения мёртвых возлюбленных.

Глава 7. Вера

Утром Вера, как обычно, спустилась в общий душ на первом этаже. Пахло сыростью и мылом. Вода была тёплой, но напор слабый — пришлось стоять под струёй дольше обычного.

Она наскоро вытерлась, натянула бельё и встала перед мутным зеркалом.

— Серая, как стена.

Вера перевела взгляд на столик. Юнка оставила тушь.

— Накраситься, что ли? Или брови подвести?

Ай, не сегодня.

Она натянула футболку с принтом «Я люблю споры о митохондриях». Мама подарила на день рождения — где она её только взяла, одни небеса знали. Джинсы сели как родные: старые, разношенные, те самые, которые Вера не выкинула бы, даже если бы к ней приставили пистолет.

В пакет отправились белый халат, тетрадь, пара ручек и яблоко на перекус.

Научный центр встретил её привычным гулом вентиляции и запахом реактивов. Вера толкнула тяжёлую дверь, прошла мимо вахтёрши и поднялась на второй этаж.

Лаборатория.

Её храм.

Она натянула халат и с наслаждением вдохнула знакомый

запах. Её место было у второго стола, рядом с окном. Она села, разложила тетрадь и только тогда позволила себе скользнуть взглядом по аудитории.

Пусто.

Никакой светлой макушки. Никаких зелёных глаз. Никого.

Она с удвоенным рвением принялась протирать спиртом рабочую поверхность.

Колбочки не пялятся. Колбочки не сливают фотографии. Колбочки молчат и не бесят.

После той странной пары Вера решила, что либо перенервничала, либо у неё действительно обнаружилась аллергия на одного конкретного блондина. Стоило Денису выйти, как головная боль исчезла.

Прошло два дня, а этот длинный так и не появился.

К концу второго Вере уже начало казаться, что он ей приснился. Или привиделся от недосыпа. Хотя каждый раз, когда открывалась дверь, она почему-то поднимала голову.

В конце недели Денис всё-таки появился на микробиологии.

Всё начиналось как обычно. Сонные студенты шушукались за своими столами, лениво раскладывая пробирки перед спиртовками.

И тут вошёл он.

Словно материализовался из утреннего тумана.

Одна из девушек чуть не выронила пробирку. Вера зака-

тила глаза.

Денис. Высокий, светловолосый, с этой своей расслабленной походкой. Белый халат был небрежно перекинут через локоть. Он тихо сказал что-то профессору, тот кивнул, и новенький прошёл к свободному месту.

Вера снова посмотрела в тетрадь.

Вот и прекрасно. Пришёл — и пришёл. Велика важность.

Профессор монотонно распределял студентов, а Вера машинально записывала тему занятия, краем глаза наблюдая, как Саша пододвигается к Андрею, а Миша лениво перетаскивает пробирки к Лене.

— И последняя пара: Вера и Александр. Второй стол. Микроскопия грибных культур.

Вера взяла тетрадь и поплелась к криворукому Сашке, заранее готовясь следить, чтобы он снова ничего не разбил.

Но вместо него за вторым столом сидел Денис.

— Мы с ним поменялись. «Ты не против?» —спросил он, чуть наклонив голову.

Вера остановилась. Оглянулась по сторонам, проверяя, точно ли он обращается к ней.

— Зачем?

Денис почти театрально откинул с лица светлую прядь и улыбнулся так, что ей стало дурно.

До чего же хорошенький…

Вера мысленно дала себе подзатыльник.

— Я спрашиваю, зачем ты тут расселся?

Кажется, Денис был ещё и глухим.

Улыбка немного сошла с его прекрасного лица.

— Я… просто хотел сесть поближе к отличнице. Чтобы быстрее адаптироваться. Так ты против?

Твою мать.

Это было как в кино. Сейчас ещё музыка романтическая заиграет, и кто-нибудь включит вентилятор, чтобы его блондинистые волосы красиво развевались.

— Ну ладно. Подвинься. Надеюсь, хотя бы конспект с прошлых занятий у тебя есть.

Денис невинно взглянул на неё и покачал головой.

Вера закрыла глаза. Эта пара будет бесконечной.

Студенты оживились, зашелестели листами, начали пододвигаться друг к другу ближе. Денис натянул халат. Тот явно был ему коротковат: рукава заканчивались выше запястий, ткань натянулась на плечах. Сам парень стоически делал вид, что так и должно быть.

Вера обещала себе не разглядывать его, но пока проигрывала.

Между ними выстроились ровные ряды горелок, колб с реактивами и чашек Петри. Баррикада из стекла и химии.

Денис положил руки на стол, и Вера снова отвлеклась. На этот раз — на его кисти. Царапин было много: красные, совсем свежие, и тонкие белые, оставшиеся давно. точно он регулярно лазил через кусты шиповника и принципиально не пользовался калиткой.

— Ну что? — Его голос вырвал её из мыслей. — Сначала познакомимся или сразу к делу?

Он продолжал смотреть на неё своим изучающим взглядом. В висках на мгновение неприятно сжалось, но Денис едва заметно отодвинулся, и ощущение сразу пропало.

— Вера?

Она дёрнулась, едва не смахнув со стола горелку.

— А? Да, к делу, — выпалила она. — Грибы не терпят промедления.

Вера схватила первую попавшуюся пробирку и принялась яростно протирать её, хотя та была идеально чистой.

Господи. Я сказала: *«Грибы не терпят промедления»*.

Денис наклонил голову. В его зелёных глазах было столько непонятной нежности, что Вера просто не могла понять, откуда она там взялась.

— Понял. Тогда не будем заставлять их ждать.

Он потянулся к микроскопу. Вера напряглась, чувствуя, как горят щёки.

— Значит так, — не выдержала она. — Давай сразу расставим все точки. Я — Вера, учусь на биолога. Люблю бактерии, ненавижу, когда кто-то трогает мои реактивы. И да, у меня иногда бывает румянец. Такая пигментация. А если ты что-то там видел у кого-то в телефоне, это твои проблемы, а не мои. И незачем на меня так смотреть. Понятно?

Она говорила быстро, почти тараторила, а под конец даже сама себе не поверила. Но отступать было уже некуда.

Денис выслушал её с совершенно серьёзным лицом.

— Денис. Бактерии люблю чуть меньше. Обещаю не трогать твои реактивы. Пигментацию принимаю. — Он немного помедлил. — А что именно я должен был увидеть в телефоне?

Он не видел.

Дура.

Он же новенький. Конечно, он мог ничего не видеть.

— Ничего, — буркнула Вера и прикусила язык.

Они по очереди начали склоняться над микроскопом.

— А почему именно бактерии? — Денис не унимался.

— Люди слишком много треплют языком, а бактерии — нет. Передай предметное стекло.

Она покосилась на него. Денис улыбался.

— И всё?

— Что — всё?

— Только поэтому, они же все одинаковые?

Вера забрала у него стекло и осторожно уложила под зажимы микроскопа.

— Нет. Они кажутся одинаковыми, только если ничего о них не знаешь.

— А если знаешь?

Она подвинула препарат и подкрутила настройки.

— Даже генетически одинаковые клетки ведут себя поразному. Одна делится, другая замирает. На каждую влияет среда, случайные изменения, да сотни факторов.

Денис перестал улыбаться.

— Значит, одинаковое начало ещё ничего не решает?

— Ну, конечно, нет. — Вера пожала плечами. — Помести их в разные условия, и очень скоро получишь две совершенно разные культуры. Внешне похожие, но уже не одинаковые.

Вера подняла голову и обнаружила, что он снова смотрит на неё.

— Да, — тихо произнёс он. — Понимаю.

А вот Вера ни черта не поняла.

Они кое-как дописали отчёт, подробно описав строение мицелия и спор, и их наконец распустили.

Голодные студенты посыпались в соседние магазины за шоколадками и булками, кто-то отправился в курилку. Вера решила, что на сегодня с неё приключений хватит. Собрала вещи и, не оглядываясь, направилась прямиком в своё убежище с гирляндами.

Денис, как ни странно, увязался следом.

На улице Вера терпела его присутствие метров двадцать, затем остановилась и одарила блондина подозрительным взглядом.

— Ты за мной идёшь?

— Нет. Мне в ту же сторону.

— Серьёзно?

— Да. Извини.

Вера покачала головой, но ничего не сказала. Они прошли ещё немного по заснеженной аллее.

— А завтра ты будешь на парах? — спросил он.

Вера остановилась снова и уставилась на него.

— Э… да. Я всегда на парах.

— Хорошо. Тогда удачи.

Денис развернулся и пошёл обратно — в ту самую сторону, откуда они только что пришли.

Вера осталась стоять посреди аллеи. Проводила его удаляющуюся светлую макушку взглядом.

Красивые.

Всегда.

С приветом.

Глава 8. Касс

Кассиэль считал, что всё прошло неплохо.

Вера не потеряла сознание, не попыталась убежать и даже позволила ему сесть рядом. Разговаривала. Сообщила, что завтра снова придёт на занятия.

Все поставленные задачи были выполнены.

Правда, в конце она смотрела на него так, словно подозревала в умственной отсталости, но это можно было считать незначительной погрешностью.

До квартиры Касс добрался уже затемно. Задёрнул шторы, отодвинул от стены стол и провёл ладонью по воздуху. Пространство под пальцами дрогнуло. По стене прошла тонкая светлая трещина, расширилась и разошлась в стороны.

За ней открылся переход. Кассиэль шагнул внутрь.

На Небесах было тепло.

У перехода его встретил дежурный в светлой форме. Узнал, нахмурился и заглянул в журнал.

— Валь-Арден? Ты же закончил отчётный период на прошлой неделе.

— Закончил.

— Тогда зачем вернулся?

— Мне нужно в архив.

Дежурный поднял на него глаза.

— Основание запроса?

Кассиэль молча взглянул на него.

— Ты в Сибири был?

— Нет.

— Тогда не мешай. У меня ноги мёрзнут уже третью неделю.

Он прошёл мимо, не дожидаясь ответа.

Архив занимал нижние уровни восточной башни Цитадели. Чем древнее были документы, тем глубже приходилось спускаться. Наверху хранились недавние отчёты, журналы наблюдений и протоколы вмешательств. Внизу — записи о переходах душ, повреждениях энергетических контуров и тех случаях, о которых Небеса предпочитали лишний раз не вспоминать.

Касс начал с общего фонда.

Запросил исследования посмертных следов. Затем материалы о нарушении естественного перехода. После этого — старые дела о случайном воздействии хранителей на смертных.

Каждый запрос пришлось объяснять.

Первый день не дал ничего.

На второй он нашёл упоминание об осиротевшем маяке. Такие метки хранители накладывали на смертных, когда требовалось найти конкретного человека среди тысяч энергетических контуров. Маяк запоминал носителя целиком: внешность, голос, структуру энергии. Обычно он исчезал вместе со смертью человека.

Обычно.

В примечании указывалось, что при сильном вмешательстве в момент смерти маяк мог получить дополнительный заряд и пережить носителя. Не душа. Не сознание. Только энергетическая запись — пустая форма, продолжающая искать того, кого больше не существовало.

Кассиэль перечитал примечание трижды.

Следующую неделю Касс метался между Землёй и архивом. Разломы открывались в жилом доме, на складе, под старым мостом; он закрывал их, писал отчёты и возвращался к записям. После восьмого перехода свежие царапины уже не затягивались, а на выходе из приёмного зала пришлось ухватиться за колонну. Зато у него были три части одного ответа.

Вторая обнаружилась в материалах о повреждениях формирующегося человеческого контура. Осиротевший энергетический рисунок мог годами дрейфовать в потоке, пока случайно не сталкивался с ещё не сформировавшейся душой. Тогда чужая структура прикреплялась к ней и начинала навязывать телу записанную форму.

Сам человек при этом не становился прежним носителем. Не получал его памяти, характера или души. Он оставался собой — только рос внутри чужого рисунка, постоянно расходуя силы на его удержание.

В документах таких людей называли живыми аномалиями.

Из тех, кто рождался, почти все умирали в первые годы

жизни. Редкие носители доживали до подросткового возраста. Самому старшему из описанных было двадцать пять лет, и его контур разрушился во время попытки стабилизации.

Ни одной живой аномалии старше двадцати пяти архивы не знали.

Вера прожила двадцать три.

Касс долго смотрел на эту строчку в собственных записях.

Она продержалась не потому, что чужой рисунок оказался безвредным. Её собственный контур всё это время подстраивался под него, удерживал и не позволял заменить себя окончательно.

Вера была не слабой копией Вайлет.

Она двадцать три года носила на себе чужую форму и всё равно выросла собой.

Три года назад Вера приехала учиться в город, построенный над старым разломом.

Три года назад аномальная активность начала расти.

А теперь сюда прибыл он.

Вот почему его энергия отзывалась на её присутствие. Вот почему рядом с ним ей становилось плохо. Маяк узнавал создателя и начинал работать.

Касс разложил записи на столе и заново сверил симптомы, которые успел заметить: головные боли, тошноту, затруднённое дыхание, учащённый пульс. По архивной шкале это была уже не начальная стадия.

Если расчёты не ошибались, без вмешательства Вере оста-

валось меньше года. Возможно, значительно меньше.

Кассиэль закрыл глаза.

Сто семь лет назад Вайлет умерла у него на руках. Он должен был отпустить её. Вместо этого прижал к себе, влил в угасающее тело столько энергии, сколько смог, и повторял одно и то же:

Не уходи.

Останься.

Не бросай меня.

Сам того не понимая, он закрепил на ней маяк и зарядил его попыткой удержать уходящую душу. Душу он не удержал.

Маяк остался.

Восемьдесят четыре года он дрейфовал в потоке, пока не столкнулся с другим, ещё не сформировавшимся человеческим контуром.

С Верой.

Никакого предназначения. Никакого родства. Никакого второго шанса.

Просто чудовищно редкое совпадение.

— Раздери меня адский пёс…

Касс опустился на ближайшую скамью.

Это он оставил на незнакомом ребёнке чужое лицо. Он заставил её организм двадцать три года удерживать то, что давно должно было исчезнуть. И теперь одним своим присутствием ускорял распад.

Но смерть носителя была не единственной угрозой.

Когда живая аномалия больше не могла удерживать чужой рисунок, накопленная энергия высвобождалась разом. У детей это обычно заканчивалось коротким выбросом. Взрослый контур мог разорвать пространство вокруг себя и открыть новый проход.

Вера находилась рядом со старым разломом и носила в себе энергию одного из Высшего Порядка. Её распад мог снести не одну комнату. Возможно, не один корпус.

По инструкции Касс должен был зарегистрировать источник, передать координаты Надзору и прекратить самостоятельное вмешательство.

Веру изолировали бы. В документах её назвали бы носителем, нестабильной структурой, мобильным источником — чем угодно, только не человеком. Её устранили бы до начала распада.

Это не считалось убийством. Живые аномалии всё равно долго не жили, а своевременное устранение сохраняло жизни окружающих.

Касс мог бы повторить то же самое.

Ей осталось меньше года. Может быть, несколько месяцев. Если всё закончить раньше, она не будет мучиться и не потянет за собой сотни людей.

Оправдание было крошечным. Жалким. Но существовало.

Кассиэль сжал лист так сильно, что бумага хрустнула под

пальцами.

Даже если Вере оставался один день, этот день принадлежал ей.

Он не собирался отнимать его только потому, что Небесам так было удобнее.

Вера не была его возлюбленной или внезапно подаренным вторым шансом. Она была почти посторонней девушкой, с которой он провёл одну лабораторную работу. Но маяк на ней оставил он, и отдавать её Надзору Касс не собирался.

Он останется в городе, будет закрывать разломы и перехватывать тварей, научится сворачивать собственную энергию и продолжит искать способ отделить чужой рисунок. В отчётах сигнал можно было приписать старому разлому. Лгать почти не придётся — достаточно не писать всей правды.

А если способа спасти её не существовало…

Кассиэль не позволил себе закончить эту мысль.

Он вернулся в квартиру поздней ночью. На столе лежали старые записи, принесённые для сравнения энергетических схем. Касс раскрыл потёртую тетрадь, и из неё выпала фотография.

Вайлет стояла в своей мастерской возле картины в тяжёлой раме. Нарядная, яркая, уверенная. Волосы уложены мягкими волнами, в руке кисть. Она улыбалась в объектив так, точно прекрасно знала, что человек по другую сторону камеры не сможет отвести взгляд.

Касс долго смотрел на фотографию.

— Это не ты, — произнёс он наконец.

План был простым.

Работать. Закрывать разломы. Защищать Веру. Наблюдать за маяком и не позволять Небесам его заметить.

А когда всё закончится, он решит, что делать дальше.

До тех пор Веры Владимировны для Надзора не существовало.

Глава 9. Вера

Она сидела на второй паре, рисовала загогулины в тетради и краем глаза поглядывала на пустой стул через ряд.

Его не было больше недели.

Никто не спрашивал, куда он пропал. Может, преподаватели знали. Может, им было всё равно.

Вера накручивала себя так старательно, что к обеду уже успела мысленно похоронить его трижды.

— Верка, ты чего такая кислая? — спросила Юна, пихнув её локтем в столовой.

— Я, кажется, человека убила, — мрачно ответила та, глядя в тарелку с остывшим супом.

— Чего?..

— Сказала ему что-то не то, и он исчез. Как будто я его прокляла.

Соседка уставилась на неё, а потом рассмеялась.

— Вечно ты все проблемы мира на себя берёшь. Может, он просто заболел.

— Или я занудила его до смерти.

На девятый день Денис появился.

Вера замерла с открытым ртом, когда он проскользнул мимо неё в дверях. Даже не взглянул. Просто прошёл, слегка пошатываясь, и сел на последнем ряду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.